

ISSN 0028-1263

НАУКА И ЖИЗНЬ

8
2014

- Сегодня человек уже не может позволить себе ничего не менять в природе
- В Солнечной системе — миллиарды комет, с одной из них скоро встретится посланец нашей планеты
- От том, что мир между народами нужно отстаивать, заговорили два века назад
- Эрмитажный «Павлин» — это самый большой среди сохранившихся автоматов галантного века и самый сохранившийся среди больших.

ОГНЕНЬЕ ДЕРЕВЬЯ

Елена ПЕРВУШИНА.

Глава третья.

БУДНИ

Фамилия Лизы — Муравьёва. Елизавета Никифоровна Муравьёва, ассистент на кафедре английского языка и литературы в нашем университете, готовилась к защите докторской на тему «Мотив трансгендерного переодевания в пьесах Шекспира». Но гораздо больше меня интересуют другие дамы, файлы с лекциями которых Лиза записала на флешку.

Катя показывает, как пользоваться программой, я делаю слайды с видеофильмов, кодирую образы и запускаю поиск. Все три дамы обнаруживаются довольно быстро. Две из них работают в частном медицинском центре «Гармо-мама». Первая — перинатальный психолог (что бы это значило?), вторая — консультант по грудному вскармливанию. Зато третья, Тамара Лайт, она же Тамара Литовченок, коллега Лизы, работает в университете, только на кафедре культурологии, тоже готовится к докторской. И одновременно её лекции по «Культуре женственности и материнства» объявлены анонсом на сайте «Гармо-мамы».

Что ж, картинка вырисовывается простая. Лиза и Тамара познакомились в университете: в столовой, в книжном магазине или на факультетских конференциях — не суть важно. Лиза была расстроена неудачами с беременностью (кстати, надо выяснить, в чём конкретно заключались эти неудачи). Короче, Лиза не в добрый час разоткровенничалась. Тамара предложила обратиться в «Гармо-маму», обещала, что там её научат «смыслообразованию». Лизе, похоже, терять было уже нечего. Как узнать, что у неё там всё-таки со здоровьем? При осмотре я не обнаружила отклонений, но работа висцеральных органов всегда плохо считывается: она в большей степени регулируется гуморальной, а не нервной

системой. Интересно, у кого Лиза обследовалась? В университетской поликлинике или в каком-то центре по репродукции?.. Так или иначе, информацию получить будет сложно. Тамара, наверное, наврала с три короба, и несчастная женщина отправилась в «Гармо-маму», где её... А вот это как раз самое интересное. И узнать можно только одним способом — отправиться по Лизиным стопам.

Моя работа — самая лучшая на свете. Я её долго выбирала.

Может показаться, что выбора у меня, по сути, не было, — чтец с детства «приговорён» к неврологии. На самом деле выбор был. Я могла остаться в университете и пойти в большую науку. Любая исследовательская группа, любая лаборатория, занимающаяся нейрофизиологией, приняла бы чтеца с распространёнными объятиями. Я могла пойти в хирургию. Причём даже не обязательно в нейрохирургию. Трансплантологам, например, мои способности очень бы пригодились. Проблема в другом — интеллект. Я недостаточно умна для учёного и недостаточно люблю резать людей для хирурга. Поэтому я даже не стала получать высшее медицинское, — при моих данных это лишняя траты времени и денег.

Я работаю в городском госпитале, в отделении неврологии детей первых трёх лет жизни. Массажистом. Занятие как раз для меня. Ведь я сразу вижу патологию и могу следить за тем, насколько успешно маленькие пациенты с нею борются. Конечно, я им помогаю. Да что там — всё отделение работает на них и даже весь госпиталь. Но главную работу они делают сами, и я не устаю ими восхищаться. Дети — специалисты по выживанию. Какой взрослый будет часами тренироваться для того, чтобы подчинить собственные руки и ноги? Падать, хныкать и снова подниматься — раз за разом, час за часом. Какой взрослый будет день за днём добровольно нагружать тело,

Продолжение. Начало см. «Наука и жизнь» № 7, 2014 г.

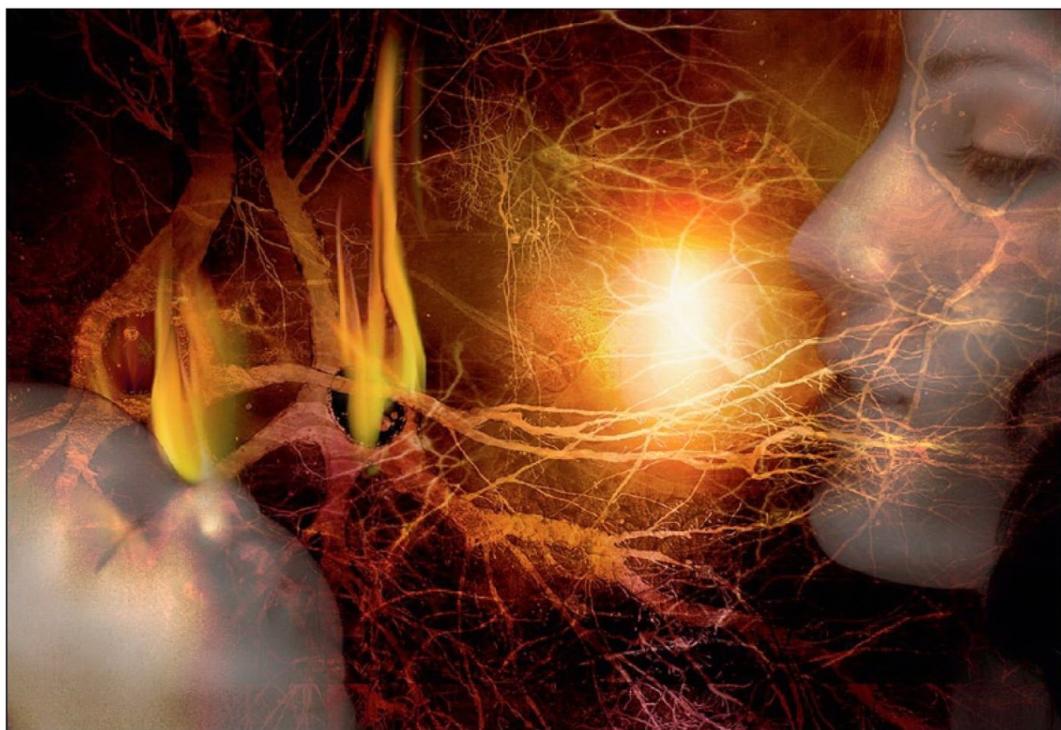

Рисунок Майи Медведевой.

чтобы восстановить разрушенные связи в мозге?!

Пока доктора обсуждают врачебные дела (расписание дежурств на следующий месяц, темы для выступлений на госпитальных конференциях, распределение интернов), потихоньку разогреваю руки — засовываю их в меховую муфточку и растираю пальцы.

Медсёстры начинают раздавать истории болезни.

Витя — молодой аспирант Ник Саныча, нашего и.о. зав. отделением, пришедший вместе с ним из университета, негромко зачитывает плакат, с незапамятных времён висящий на стене:

«КРАТКИЙ КУРС ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ НОЗОЛОГИИ С ПРИМЕРАМИ:

Острый психоз — вы говорите с кошкой.

Острый галлюцинаторный психоз — вы говорите с несуществующей кошкой.

Паранойя — вы боитесь сболтнуть лишнее при кошке.

Шизофрения — кошка говорит внутри вас.

Неврастения — вы жалуетесь кошке, кошка молчит, вас игнорирует, и вам это кажется совершенно невыносимым.

Биполярное расстройство — вы то плачете, утираясь кошкой, то хохочете, подбрасывая кошку к потолку.

Синдром навязчивых состояний — вы не можете пройти мимо кошки, не погладив её.

Истерия — когда кошка выгибает спинку, вы делаете «мост».

Аутизм — ваша кошка кажется невыносимо болтливой.

Ипохондрия — вы уже про четвёртую кошку говорите, что она вас переживает.

Амнезия — вы не помните, есть у вас кошка или нет.

Петроградная амнезия — вы не помните, была у вас раньше кошка или нет».

Ниже подписано ручкой:

«Похмелье: все коты, как коты, а этот — топ-топ, топ-топ, топ-топ.

Алкогольный делирий: по вам ползают маленькие кошки.

Полный абзац: ваша несуществующая кошка не помнит, есть ли у неё вы».

Витя хмыкает, я отвечаю:

— Плакат повесила наша Юлия Сергеевна. В интернете нашла и распечатала.

Я не говорю, что приписку ручкой сделала тоже Юлия Сергеевна, прежде чем пошла сдаваться гепатологам.

Витя — хороший мальчик и просто пришёл сюда работать: диссертацию писать и нам помогать. Зачем окунать его в наши печали?

— Вам сильно её не хватает? — спрашивает Виктор.

— Разумеется. А ещё меня вот уже три минуты сильно не хватает в массажном кабинете. Так что извините.

Я действительно опаздываю на три минуты. Сонечку уже раздели, и мама укрыла её для тепла одеяльцем. Девочка изо всех сил пытается ухватиться за нарисованный на одеяльце цветок. Смотрит на него, потом на свою правую руку и тянет, наводит, как крановщик наводит стрелу с закреплённой на ней панелью, чтобы поставить её точно на стену дома, но опустить не может. Для этого Сонечке нужно плавно снизить напряжение большой грудной мышцы, удерживая при этом в тонусе разгибатели верхней конечности. Но для неё это пока сродни решению уравнений квантовой механики. Поэтому она просто расслабляет ручку и колотит ею по одеялу, разражаясь плачем. При этом не замечает, что левая ручка, оставленная без присмотра, уже схватила вожделенный цветок.

— Сонечка, а что тут у нас? А ну-ка посмотри сюда!

Это самое крутое колдунство, какое только может быть: полуторалитровая бутылка из-под газировки, в которую я налила глицерина и набросала кусочков фольги. Когда бутылку переворачиваешь, блестящее конфетти начинает медленно падать на дно, закручиваясь в волшебном танце, и оторвать взгляд от серебристой метели трудно даже взрослому, а не только малышу.

— Сейчас мама у нас бутылочку подержит, а мы с тобой поработаем. Давай я тебя на животик переверну. Вот так.

— Угу, — говорит Сонечка. — Угу... агу.

— Солнышко моё запело, — улыбается Сонечке мама. — Раз — и слёзки высохли. — И, поднимая голову, говорит: — Так и не лепечет. И игрушку взять не может.

— Ничего, — обещаю я щедро. — Вы ещё мечтать будете, чтобы она замолчала.

Мама только грустно улыбается, она прекрасно знает, что гулять и не спраш-

ляться с собственными ручками для младенцев нормально. Когда им три-четыре месяца. А Сонечке уже семь. И ещё мама знает, что, пока Сонечка не залепечет, никто не будет уверен, что она когда-нибудь заговорит.

— Ничего, — повторяю я. — Зато как мы уже головку держим. Гордо и долго. А два месяца назад что было? Вот то-то.

— Вот бы Юлия Сергеевна порадовалась, — говорит Сонечкина мама. — Она скоро вернётся?

— Думаю, нескоро. Ей нужно отдохнуть.

— А помните, как она нас в первый раз осматривала? — улыбается мама. — Сонечка ещё как полешко была. Я тогда испугалась даже.

Я тоже тогда испугалась. Юлия пошла к лежащей на пеленальнике Сонечке и, сказав матери: «Только ничего не бойтесь», — взяла девочку за ноги и «уронила» её на кафельный пол вниз головой. Вовремя остановила и некоторое время удерживала в пяти сантиметрах от пола — так, чтобы мы все видели: Сонечка выставила ручки. А это значило, что, несмотря на всю тяжесть нынешнего состояния, прогноз хороший. Мозг сопротивляется повреждениям, полученным во время беременности и родов. Значит, Сонечка будет бороться.

Юлия ловко вернула Сонечку на пеленальник, провела полный осмотр, продиктовала диагноз: перинатальная энцефалопатия, пирамидная недостаточность, гипоксическое поражение коры головного мозга (позже при осмотре я подтвердила: именно пирамидная недостаточность, то есть поражение пирамидных нейронов в пятом слое прецентральной извилины), синдром двигательных нарушений, задержка психомоторного развития. Назначения: доплерография, консультация чтеца (то есть мои), массаж, электрофорез, медикаментозное лечение. Пообещала маме: «Всё будет нормально, но со временем» — и вышла из палаты. Ей самой оставалось работать в отделении всего пару недель.

И вот сегодня, два месяца спустя, я своим «особым зрением» вижу то, что Юлия увидела, ещё когда это было только в зародыше, — прогресс. Я вижу, что пирамидальные нейроны светятся ярче,

горят, как рубины в колье, а их аксоны, напротив, стали бледнее, жемчужно-розовыми — это идёт миелинизация: аксоны окутываются защитной электрической оболочкой — миелином, который производят глиальные клетки. В результате электрические импульсы теперь не прыгают беспорядочно с аксона на аксон, как в электросхеме с ободранной изоляцией, а идут каждый строго по своей веточки. Значит, Сонечка учится управлять мышцами.

Кладу её на спинку, щекочу ладошки большими пальцами, и она крепко хватается за них. Осторожно поддерживая её ручки четырьмя пальцами за запястья, подтягиваю тельце вверх до угла в сорок пять градусов, приговаривая:

— Сели, сели, сели!

Потом так же осторожно укладываю её на массажный стол, похлопываю пальцами по ладошкам, чтобы она их разжала. И вижу, как бегут по пирамидным путям импульсы к мышцам. Сокращение — расслабление.

В конце массажа я беру яркую погремушку и держу перед Сониным лицом, чуть покачивая, чтобы привлечь внимание. Она улыбается. Смотрит на погремушку и начинает медленно поднимать ручку. Всё время проверяя глазами, правильно ли она нацелилась.

Мы с мамой затаили дыхание.

Сонечка легко касается погремушки тыльной стороной пальчиков, потом перемещает ручку чуть-чуть правее, скользя пальцами по игрушке, и наконец хватает её. Массажную комнату оглашает победный треск погремушки.

Мама ахает.

— Вот видите, а вы в пессимизм ударились, — говорю я. — Скоро залепечет так, что не остановите. А потом и поползёт и пойдёт.

— Жаль, Юлия Сергеевна не видит, — улыбается Сонечкина мама. — Вы ей расскажете, да?

Я киваю.

— Она и так уже знает, — шепчу я, «разговаривая с несуществующей кошкой». — Она ещё тогда знала.

Вот почему я не стала врачом. Потому что я, со всеми своими сверхспособностями, вижу только настоящее. А врач должен уметь видеть будущее.

Глава четвёртая. МАТЕРИНСКИЙ ИНСТИНКТ

— Катя, нужна твоя помощь, — говорю я. — Мне надо решить, как одеться и как себя вести.

— Это зависит от того, с кем ты идёшь на свидание, — с видимым равнодушием произносит Катя.

— Это не свидание. Мне надо, чтобы я выглядела беременной, с маленьким сроком.

— О! — говорит Катя. — Высокие отношения.

— Какие есть. Можно сделать так, чтобы я не говорила, что беременна, а человек об этом догадался, хотя на самом деле я не беременна?

— Легко! Выпяти живот.

— Я серьёзно.

— И я. Подойди к зеркалу, я объясню. Встань боком. Смотри, когда ты не беременна, центр тяжести находится вот здесь, — Катя кладёт мне одну ладонь ниже поясницы, другую — над лобком. Когда матка начинает расти, центр тяжести смешается наверх. Но он по-прежнему должен оставаться у тебя между ног, иначе ты упадёшь. Тогда ты, во-первых, расставляешь ноги чуть шире; во-вторых, отклоняешь плечи назад; в-третьих, выносишь таз вперёд. Нет, не так. Просто сделай движение вперёд крестцом. Напряги поясницу вот здесь. Ага, уже начинает получаться.

И действительно — мой силуэт в зеркале становится ощутимо беременным.

— Ну, это уже для комедии дель арте, — морщит нос Катя. — Поменьше... вот так. Чтобы не бросалось в глаза, а намекало. Придётся потренироваться несколько дней — удерживать тело в неестественном положении сложно без подготовки.

— А на маленьком сроке это действительно выглядит так?

— Вообще-то, нет, но и женщины тогда не выглядят беременными. Но это неважно. Мы не мимикируем, а даем образ. Показываем человеку, что он должен увидеть и как интерпретировать это. Дальше, во время разговора, иногда поглаживай живот или просто клади руку, но не глядя, словно не замечаешь. Особенно, если собеседник произносит слова «дети», «ребёнок» или если речь идёт о какой-то опасности. Он решит, что наблюдает воочию материнский

инстинкт, и возликует. Ну и третье — не пей алкоголь, но не акцентируй на этом внимание. Он решит, что расколол тебя.

Я прикидываю, что алкоголя, скорее всего, не будет, хотя это как раз самое простое. А вот походку и жесты придётся тренировать.

Вообще, идея мне нравится: заставить людей увидеть то, что я хочу им показать, а не то, что есть на самом деле, и при этом позволить им ощутить себя ужасно проницательными. Забавно! Совсем новый опыт отношений. Обычно я говорю людям, что происходит с ними, и они, как правило, настолько в это вовлечены, что меня совсем не видят. Позволять, чтобы меня разглядывали, — нет! Заставлять себя разглядывать, при этом не показывая больше, чем считаю нужным, — странное ощущение!

— Ты будешь собой? — спрашивает Катя.

— Прости, что?

— Ты будешь изображать беременную себя?

— О, да! Вообще-то, нет, но да... Хорошо, что ты об этом заговорила. Думаю, буду студенткой мединститута. Забеременела после вечеринки. Пьяная. Толком не помню, от кого. Хочу делать аборт, но не уверена.

— Не пойдёт, — твёрдо произносит Катя.

— Почему?

— Этого тебе в жизни не изобразить. Есть актёры, которые могут играть всё. Любую роль. Есть актёры одного амплуа. А ты вообще не актриса, а бревно. Ты можешь быть только собой. Редкий дар, между прочим. Но не в этом случае.

— И что делать?

— Если не можешь изменить исполнителя, измени роль. Ты действительно студентка мединститута. Это у тебя получится. И действительно забеременела после вечеринки. Только ты напилась, потому что очень стеснительная. Хотела расслабиться, вот и расслабилась по полной. Постой! — Катя внезапно хмурит брови. — Так ты хочешь к этим, к сумасшедшим мамашкам? Но зачем? Что тебе там нужно?

— Интересно, как у них мозги устроены.

— Да? — Катя недоверчиво хмыкает. — Ладно, говорят, чужая душа — потёмки, тем более... Ладно. Аборт ты хочешь делать

не потому, что надо учиться дальше, а потому, что не представляешь себя матерью. Вот это скажи обязательно. Это для них, как воробей для кошки. Они от тебя не отстанут. Если ты действительно этого хочешь.

— По крайней мере тут врать не придётся.

В воскресенье иду к «Гармо-мамам». Меня принимает одна из дам — перинатальный психолог. Сижу перед ней, рассказываю свою историю и старательно щурю глаза (это ещё одна идея Кати — якобы я носила контактные линзы, но теперь из-за беременности у меня отекают веки, и я не могу их носить).

— Просто не знаю, что делать... — говорю я. — Не представляю, что скажу родителям. Не представляю себя матерью. Никогда не думала об этом... Я не смогу, у меня не получится. Кому я буду нужна?

— Вы будете нужны своему ребёнку, — дама-психолог добавляет в голос задушевности. — А мы поможем вам стать такой матерью, которая ему нужна. Мы можем включить вас в программу «Зов природы», которая помогает женщинам разбудить дремлющий в них материнский инстинкт. Понимая ваше положение, вы можете оплатить её в рассрочку.

«Проезжая мимо станции, у меня слетела шляпа», — на автомате отмечаю я и, щуря глаза ещё сильнее, говорю:

— Нет-нет, у меня есть деньги. Недавно взяла кредит на учёбу... Думаю, смогу оплатить сразу.

— Отлично, так будет даже дешевле, — голос психолога становится медовым.

Перевожу взгляд на голографическую Мадонну над её столом — иначе мне трудно удержаться от искушения взглянуть, выдаёт ли её мозг физиологическую реакцию, соответствующую чувству стыда и вины. Впрочем, по характеру нервных импульсов я едва ли смогла бы отличить стыд от жажды наживы: и в том и в другом случае мы наблюдаем общее возбуждение коры и гиппокампа.

Внимательно читаю договор. Дама-психолог несколько раз, как бы невзначай, покашливает — ей не нравится такая подозрительность, но тут уж ничего не поделаешь: я не могу подставить себя — настоящую. Но вроде ничего страшного.

Меня просто хотят честно ограбить, продав сорок часов «групповой медитации и психокоррекционной работы» за нехилые деньги. Но ничего, мой счёт это выдержит. Я зарабатываю неплохо, а трачу немного.

Прикладываю свой палец к планшетке и получаю значок с изображением Мадонны — символ причастности к «Гармониям». Авантура начинается.

И начинается она с места в карьер. Меня приглашают на «диагностику энграмм» к «опытному тарологу». Прежде чем я успеваю спросить, что такое «энграммы» и кто такой «таролог», мне вручают опросник: уменьшенный примерно в три раза тест Айзенка, перемежающийся фразами типа «Больше всего я ненавижу в себе...» или «Моим родителям нужно было больше...». Ради интереса решаю ответить на вопросы честно. Например: «Больше всего я ненавижу в себе то, что ненавижу уборку» или «Моим родителям нужно было больше читать медицинскую литературу».

Таролог неожиданно оказывается совсем молодой девочкой, с косой до пояса и огромными голубыми глазами, глядящими так испуганно, что я даже перестаю шуриться. Она раскладывает по столу карты с разноцветными картинками, смотрит в подсказку на наладоннике и, наконец, изрекает:

— В характере вашей матери присутствовали как женские, так и мужские черты?

— Мммм... что вы имеете в виду? — тяряюсь я.

— Она была сильной и властной, как мужчина?

— Да нет, она не была властной. Наоборот, она, как правило, соглашалась с чужим мнением.

— Она была увлечена карьерой и забывала о вас?

— Продавщица в цветочном магазине — такой карьерой трудно увлечься. Кроме того, родив меня, она бросила работу и посвятила себя воспитанию.

— А ваш отец? Он был подкаблучником? Мягким, покладистым человеком?

— Не сказала бы. Его сослуживцы о нём так не отзывались.

— Кем он работал?

— Капитан межпланетного флота. Сейчас воспитывает молодёжь в Космической академии.

— О! У вас была замечательная семья!

И в огромных голубых глазах отражается вопрос: «Что же мне с тобой, убогой, делать?»

Пока она ищет ответ в своём уникоме, внимательно изучаю комнату в поисках таинственных приборов, которые облучают мозги, превращая их в желе. Нет, я, конечно, не рассчитываю, что всё будет так просто, а вдруг? Но «вдруг» не получается.

— Это очень серьёзная проблема, — говорит девушка, на глазах обретая уверенность. — Но мы в состоянии её разрешить. Думаю, к тому моменту, как придёт срок ваших родов, вы будете уже совсем другой женщиной.

У меня теперь интересная жизнь. Три раза в неделю я погружаюсь в тайны естественного родительства и, чем дальше, тем больше понимаю, что это очень сложное, вычурное и трудоёмкое занятие для тех, у кого много свободного времени, денег и сил. По понедельникам нам читают лекции. Или кто-то из дам, или ещё одна милая женщина, которая, когда я припёрла её к стенке, созналась, что окончила Театральный институт и получила диплом балетного критика, но работать по специальности не смогла, так как билеты на балет дороги. Нам она читает «беби-йогу» и «натуральное питание» (опять-таки очень дорогой и сложный процесс), а в перерывах делится воспоминаниями о том, как в три месяца у неё кончилось молоко и она выкормила сына смесью овсяной каши с мёдом. Само собой, после таких рассказов я очень хотела посмотреть на её сына. Посмотрела — очень милый юноша, что в очередной раз убедило меня: детские способности к выживанию безграничны.

Темы лекций — как построить свою жизнь вокруг ребёнка, но ни в коем случае не давать ему этого понять, а иначе он сядет на шею. Честно говоря, я не вижу, куда ещё нужно садиться ребёнку, которого весь день носят на себе в slingе, и которому, едва он открывает рот, суют грудь, но эти дамы знают.

Неправильно выношенный и выкормленный ребёнок плачет, если его что-то не устраивает, не слушается маму с первого раза и вообще всячески оспаривает её авторитет.

— Вы должны всем своим поведением показать ему, что вы альфа-самка и он обязан вам подчиняться не задумываясь, с первого раза, — внушает нам дама-психолог. — Если вы идёте по коридору, а он ползёт навстречу, не уступайте дорогу. Уступить должен он, потому что вы главнее. Когда вы садитесь перекусить, первую порцию кладите себе, вторую — ему. Только тогда дети будут понимать своё место в семье, в их маленьком мире наступит порядок и они не будут находиться в постоянном стрессе. И поэтому, ради ваших детей, вы должны держать на расстоянии всех, кто сомневается в вашей правоте. Помните: мы — меньшинство, а большинство так называемых обычных матерей всячески стремится опорочить наши идеи, уничтожить естественных женщин в нас, как они когда-то уничтожили их в себе. И их подстрекают к этому врачи и производители смесей, прививок, детских медицинских препаратов. Посмотрите, что они пишут в своей якобы рекламе грудного вскармливания: «Грудное молоко — лучшая, идеальная еда для младенца». На что они рассчитывают? На то, что женщина подумает: «Идеальное — это то, чего не бывает в реальной жизни. Я не буду стремиться к идеалу, лучше я буду кормить простой и удобной смесью, как все».

По средам у нас практические занятия. Не думайте, что они касаются ухода за детьми. О нет, это не нужно! Мы всё это будем понимать интуитивно после родов, если сейчас сумеем настроиться на нужную волну. А для этого мы перебираем и расчёсываем шерсть, потом обматываем пучки шерсти тряпками и мастерим кукол-перевёртышей. С одной стороны — кукла «Девка», «она яркая, красивая, с косой, вся напоказ», потом «Девке» задирают подол (буквально), и она прячется под юбку, а с другой стороны появляется «Баба» — «скромная, сосредоточенная, не бросающаяся в глаза». И — о, конечно! — «пока вы не пробудите в себе Бабу, ваше материнство будет проблемным». Ещё мы разучиваем народные колыбельные, чтобы «научиться паттернам поведения альфа-самки, матери-берегини».

*Баю-баюшки-баю, колотушек надаю!
Колотушек надаю,
крепко спать тебе велю.*

Иногда, чтобы внести разнообразие, Тамара рассказывает нам о традициях ухода за детьми у народов более первобытных, чем славяне. Особенно большое впечатление на меня производит фраза: «У индейцев иpekакуана (или баракудра, точно не помню) матери всегда знают, когда их младенцы хотят пописать».

Ещё по средам у нас «психологическая подготовка к материнству»: мы садимся в круг и каемся. Рассказываем о том, какими неправильными материами были и как обрели просветление на курсах.

Однако у большинства из моих компаний эта беременность первая, а потому они больше рассказывают об ошибках своих родителей и — самое вкусное! — своих свёкоров и свекровей.

Пятницы проходят «бескровно»: мы занимаемся физкультурой и купаемся в бассейне.

Всё это смешно и грустно, но совершенно безопасно. То есть моим компаниям грозят неслабые неврозы, когда выученная ими теория столкнётся с реальностью. Однако у меня нет никаких оснований полагать, что они разделят судьбу Лизы. Поэтому я изо всех сил ищу, где тут могут делать лоботомию на коленке, ведь времени у меня немного. Всего какой-то месяц — и обман раскроется. Я уже зашла к знакомому специалисту по УЗИ и выпросила у неё картинку с 10-недельным эмбрионом, а Катя, поработав на уникоме, наложила на неё мои данные, после чего я отнесла фальшивку «Гармо-мамам», чтобы моя «беременность» имела хоть какое-то подтверждение. Но рано или поздно они заметят, что я их обманываю.

Наконец вижу то, что внушает мне одновременно подозрения и надежды. Маленькую железную дверь в конце помещения, где расположен бассейн. Она обычно закрыта, но один раз я вижу даму-психолога, которая выходит оттуда и запирает дверь на ключ. Что самое интересное, на плане пожарной безопасности, висящем рядом с постом охраны, комнаты нет. А поскольку я уже изучила все остальные помещения центра и не нашла там оружия опаснее, чем мягкие подушки, то методом исключения прихожу к выводу, что искомая «комната Синей Бороды» находится именно там.

(Продолжение следует.)